
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.Н. КОСЫГИНА
(ТЕХНОЛОГИИ. ДИЗАЙН. ИСКУССТВО)»

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
КАФЕДРЫ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Выпуск 1(XI)

**Москва
2017**

Вопросы культурологии: сборник научных трудов. Выпуск 1 (XI). - М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2017. - 143 с.

В сборнике представлены научные статьи, в которых рассматриваются актуальные вопросы истории, теории и философии культуры. Сборник посвящен 25-летию основания кафедры славяноведения и культурологии Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина.

Редакционная коллегия:

Запека О.А. - ответственный редактор и составитель, канд. философ, наук, профессор;

Жиленко М.Н. - редактор, канд. культурологии, доцент

Сборник подготовлен к печати на кафедре славяноведения и культурологии Института славянской культуры.

ISBN 978-5-87055-572-0 О Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Обложка. Дизайн. Николаева Н.А., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	4
1. Громов М.Н., проф., д.н. Четверть века во имя славянской культуры	6
2. Белов А.В., проф., к.н. Города центральной России накануне реформ Екатерины II	17
3. Гросул В.Я., проф., д.н. Русские священнослужители за рубежом в первой половине XIX в... ..	30
4. Страховская И.Г., проф., к.н. Конвергенция гуманитарной и естественнонаучной ветвей культуры	41
5. Рудаков М.В., доц., к.н. О сущности проблематики протестантизма в современном обществе ..	51
6. Запека О.А., проф., к.н. Об исторических судьбах либерализма в России	60
7. Мельников Г.П., доц., к.н. Сатирическая поэма К. Гавличека-Боровского «Крещение Святого Владимира»: взгляд из сегодняшней России	66
8. Жиленко М.Н., доц., к.н. Проблемы общения в советской науке	77
9. Бажов С.И., проф., к.н. Осмысление святоотеческой традиции в русской религиозно- философской мысли XIX - нач. XXI вв	85
10. Береснева Ж.А., доц. Путешествие как этнокультурный архетип (на примере русского литературного путешествия)	128

*Громов Михаил Николаевич,
доктор философских наук, профессор
кафедры славяноведения и культурологии
ИСК «РГУ им. А.Н. Косыгина»,
главный научный сотрудник ИФ РАН*

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ВО ИМЯ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В девяностые годы прошлого века, когда вслед за распадом СССР стало рушиться остальное, когда прогнозы будущего для некогда великой державы становились всё пессимистичнее, возникла Академия славянской культуры. Позднее она станет называться Государственной академией славянской культуры, а ныне именуется Институтом славянской культуры. У её истоков стояли энтузиасты изучения и сохранения отечественной культуры как части славянского мира. Тогда истории России и славянства рассматривали отдельно. Одной из новационных идей, лёгших в основу научной и воспитательной деятельности академии, было изучение в целом славянской культуры, имеющей свои особенности у разных народов и вместе с тем обладающей неким сложным единством.

Был создан оригинальный термин «славянороссика» для концептуального разъяснения данной ситуации [1, с.182-188]. Подобная установка себя оправдала не только во внутренней деятельности академии, но и во внешних её связях с коллегами из других славянских стран. Ежегодно во время празднования в мае Дней славянской письменности и культуры происходит международный семинар по славянороссике. Обычно он организуется в красивом старинном здании у Красных ворот, который занимает Московский дом национальностей. Наши специалисты и коллеги из Польши, Болгарии, Сербии, Белоруссии, Украины и других стран, в том числе не только славянских, обсуждают актуальные вопросы прошлого и настоящего славянства, его роли в современном мире.

В проекте академии также лежал принцип соединения лучшего из прежнего образовательного опыта и новаций нынешнего. Традиционализм и инновационность при всей их противоположности составили творческую, динамичную основу её дальнейшего развития. Из старой дореволюционной школы была взята сакральная составляющая. Как некогда при Московском университете и других учебных заведениях России имелись домовые храмы [2], так и при ГАСК был создан свой храм, посвященный преподобному Серафиму Саровскому, молитвеннику за нашу страну, предрекавшему ей тяжкие испытания и последующее возрождение, свидетелями которого мы ныне являемся. Заметим, что наш академический храм стал первым из основанных в учебных заведениях постсоветской России, что первоначально одобрялось не всеми, но затем стало признанным фактом.

Была осуществлена гармонизация светского и сакрального компонентов в общем образовательном процессе. В академии учились и учатся студенты разных национальностей и разного вероисповедания и никто их не принуждает участвовать в православных богослужениях. Однако те, для кого православие является частью их духовной жизни, имеют возможность приобщаться к нему. Это позволяет глубже знать тысячелетнюю историю России.

Оглядываясь назад, хочется вспомнить о тех замечательных деятелях науки и культуры, кого уже нет среди нас, но кого мы будем всегда помнить. Это Изольда Константиновна Кучмаева, первый ректор академии, которая сумела привлечь к работе в ней многих видных специалистов и способствовала укреплению и подъёму статуса нового образовательного и научного заведения [5].

Это Александр Сергеевич Панарин, замечательный философ и политолог, доктор философских наук, профессор Московского университета [5]. Это Ирина Ивановна Поплавская, заслуженный деятель культуры, известный кинорежиссёр, снявший ряд фильмов, таких, как «Очарованный странник» и «Джамиля», удостоенных высоких наград. Это Владимир Витальевич Селивохин, народный артист России, виртуозный маэстро, блестяще исполнявший фортепианные произведения Рахманинова, Шопена, Листа. Это Владимир Михайлович Захаров, народный артист России, создатель всемирно известного танцевального ансамбля «Гжель» и хореографического факультета ГАСК.

Обычно годовщину академии отмечали 21 сентября, когда празднуется один из важных церковных праздников - Рождество Пресвятой Богородицы, первый в православном календаре. В этот же день вспоминается победоносная Куликовская битва, с которой связано становление России. Два подобных праздника, приходящихся на один день, имеют вдохновляющий характер для самой академии. Тем более, что именно в этот день много лет происходило посвящение студентов в Успенском соборе Московского Кремля [3, с.П]. Такой чести никто более не удостоился. Сейчас, когда наш вуз называется Институтом славянской культуры, входящим в структуру Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, решился вопрос о возобновлении этой торжественной церемонии.

Из новационных идей можно отметить замысел о создании творческих мастерских живописи, пения, москвоведения и других. Его реализация внесла в учебный процесс живительное начало. Студенты стали не только сидеть на лекциях и семинарах, но и активно развивать свои творческие способности. Они писали картины, организовывали выставки, делали интересные фотографии и снимали фильмы, пели и музицировали. Каждое мероприятие в академии заканчивалось как правило интересным концертом, где студенты декламировали стихи, пели

песни, танцевали, исполняли сцены из спектаклей. Был создан музей славянской культуры, который ежегодно до сего дня пополняется новыми находками и приобретениями, в том числе представляющими культуру иных славянских народов. Это и костюмы, и предметы быта, и произведения прикладного искусства, и украшения, и предметы культа. Данный музей наглядно представляет разнообразие и сходство славянских культур. Он внесён в реестр музеев Москвы и его нередко посещают заинтересованные гости, в том числе из зарубежных стран.

Вне стен академии студенты участвуют в краеведческих экспедициях по Москве, Подмосковию, другим городам и регионам страны. Руководителям Союза краеведов России, крупнейшим знатоком столицы В.Ф. Козловым была разработана программа курса Москововедения, по которой занимались и изучали непосредственно Москву и её памятники студенты. Во время летних каникул студенты художественного профиля выезжали на этюды в разные места России, в том числе в старинный город Торопец Тверской области, богатый историей и сохранившимися достопримечательностями. Они принимали участие в археологических раскопках и реставрационных работах. Это обогащало их представления об отечественной истории и культуре, делало их причастными к ней.

ГАСК установила плодотворные научные и культурные связи со многими государственными и общественными организациями славянских стран. Это происходило во время поездок по программе «Юность славянского мира». Студенты и преподаватели побывали в Польше, Чехии, Словакии, Сербии, Болгарии, на Кипре и Святой Земле, после чего устанавливались полезные связи с каждой из посещаемых стран. Результатом явились обмен студентами и преподавателями, проведение совместных конференций и выставок, издание и обмен литературой.

Студенты иконописной мастерской реставрировали и расписывали храмы не только в России, но и за рубежом. В Праге был создан впервые в послереволюционное время храм при российском посольстве во имя святого Георгия Победоносца, небесного покровителя чешской и российской столиц. Он также был расписан студентами академии и торжественно освящён во время чешского этапа миссии «Юность славянского мира». Был выпущен специальный сборник, посвященный этому событию [4].

Изучение славянских культур связано с такой наукой, как славяноведение. В этом плане осуществляется плодотворное сотрудничество с Институтом славяноведения Российской академии наук. Также не прекращается сотрудничество с Институтом философии РАН; Институтом русского языка, Институтом мировой литературы и другими академическими учреждениями. Необходимо далее отметить интеллектуальную связь с таким течением, как славянофильство, которое

содержит в себе не только рациональное, но и эмоциональное отношение к древнерусскому и славянскому наследию.

Славянофилы, особенно первая их волна, оказали неизгладимое, пробуждающее, вдохновляющее воздействие на жизнь российского общества в эпоху полицейского царствования Николая I, когда все более стужались тучи в канун Крымской войны, потрясшей страну.

Если «Философические письма» Чаадаева раздались, по памятному выражению, подобно выстрелу в ночи и взбудоражили общественное мнение, прозвучав пощечиной казенно-оптимистической идеологии, то славянофилы попытались выдвинуть позитивную программу развития страны путём обращения к забытым старорусским первоисточкам. После очистительной грозы 1812 года Россия жаждала подобного обращения. Более чем столетний период ученичества, погони за Западом, во многом полезный, но по ряду критериев спорный, заканчивался.

«Время подражания... проходит!» — воскликнул Алексей Степанович Хомяков. «Мы не можем удовлетвориться тем, чем недавно восхищались. Мы понимаем, что формы, принятые извне, не могут служить выражением нашего духа и что всякая духовная личность народа может выразиться только в формах, созданных ею самой» [7, с.117].

Так писал вождь славянофилов на листах «Письма в Петербург по поводу железной дороги», опубликованном во 2-й книге «Москвитянина» за 1845 г. Это удивительное сочинение эпистолярного жанра весьма характерно как для русской манеры философствования в целом, так и для творчества Хомякова в отдельности. Отталкиваясь от вопроса «любезного друга» по поводу значения железных дорог, открывающих новую эру в развитии России, он переходит к глубоким историософским и культурологическим размышлениям касательно европейской цивилизации, геополитического значения Москвы как «естественного центра» страны, российской словесности, «художества звука» и «художества слова», примата существования перед осмыслением сущности («Жизнь всегда предшествует логическому сознанию и всегда остается шире его») и других вопросов.

Это блестящее эссе, в котором сочетается широта кругозора и умение видеть бытие в его целостности согласно духу «религиозной философской культуры» (Г.Флоровский), когда мысль воспаряет от созерцания единичного факта действительности к панорамному ее изображению, причем в великолепной, пластичной, эстетической форме, представляет вдохновенный синтез литературно-философского творчества, характерный для славянофилов как выразителей устойчивой традиции отечественного стиля мышления, заложенного еще во времена Древней Руси не без влияния кирилло-мефодиевского наследия. Уже тогда сложился преобладающий тип русского мыслителя как проповедника, просветителя, подвижника, исповедника и нередко мученика

жизнестроительной философии, а не кабинетного ученого, высокоумного схоласта, рассуждающего об отвлеченных категориях гносеологии, логики и онтологии, достойного уважения как честного труженика науки, но не умеющего воспламенить живым глаголом.

Касаясь недавних событий периода наполеоновских войн, обнаживших не только взаимосвязь, но и обусловленное несовпадением целей глобальное противостояние России и Европы, Хомяков писал в рецензии на оперу Глинки (которого он считал сильнейшим выразителем национального самосознания в музыке, «художестве звука») «Жизнь за царя»: «Прошли века, государство Русское окрепло, но новое нашествие с Запада требует нового сопротивления. Это нашествие не меча и силы, но учения и мысли. И против этих нашествий бессильна всякая вещественная оборона, и сильно одно только — глубокое душевное убеждение» [7, с.99]. Россия должна не только мечом, политическими, дипломатическими, но и духовными силами отстаивать свою самобытность и свои законные интересы, продолжая при этом взаимоприемлемое сотрудничество с Западом, который уважает сильного соперника и подминает слабого.

Не будем касаться воззрений Хомякова и его единомышленников, они достаточно хорошо известны и вызывают у различных кругов, вполне естественно, разное к ним отношение. Но позволительно поставить вопрос — были идеи славянофилов необъективными, тенденциозными, крайними? Да, при всех оговорках, безусловно, были и иными быть не могли.

Ибо славянофилы представляли собой таран, ударную силу, которая стремилась поколебать сложившийся порядок вещей, разнести окаменевшие стереотипы, пробиться к живительным родникам первородной жизни: прорубить, перефразируя известное выражение, окно обратно в полузабытую Древнюю Русь, однако не путем социальных катаклизмов, но путем очищения основ общественного бытия, пробуждения творческого потенциала народа, создания такой системы организации социума, которая не подавляла бы, подобно николаевскому режиму, напоминая прусскую казарму, но раскрывала возможности граждан. Заметим, кстати, что славянофилам приходилось вести идейную борьбу с европоцентризмом по двум направлениям: во-первых, против либерального и радикального западничества, оппозиционного правительству; во-вторых, против самого вестернизированного правящего режима, весьма подозрительно относившегося к «московской партии» и всячески третировавшего её.

Славянофилы были тенденциозны, это нельзя отрицать, но настолько, насколько тенденциозны любые первопроходцы, основатели новых учений, несущие в себе энергию порыва. Взгляд же спокойный, рассудительный, беспристрастный возможен, чаще всего, с позиции стороннего наблюдателя, независимого эксперта, не вовлеченного в

события исследователя. Он тоже полезен и необходим, но творчески бесплоден, хотя функционально оправдан, заполняя свою нишу в общей интеллектуальной ситуации. Впрочем, тяга к объективности может быть вызвана и иными причинами, положим, стремлением к справедливости и истине.

Тенденциозность славянофильства нельзя рассматривать вне конкретного исторического контекста. Ей противостояла не менее активная тенденциозность западничества. И только вместе взятые, они помогают понять смысл полемики. Противостоят как оппоненты, нередко довольно резко и остро, они вместе с тем взаимно дополняли друг друга, образуя то динамическое противоречие, которое служит двигателем, мотором, мощной силой для активизации социальных и идейных процессов, которое пульсирует в мировой и отечественной истории, отражается в мышлении, наталкивает на поиски «целостного метода», к чему стремились славянофилы, в частности, И.Киреевский, полагавший что оба «элемента», славянофильский и западный, «должны получить направление, чтобы действовать благотельно» [8, с.141-143]. Оба миропонимания России, интерпретации её истории и высказывания проектов будущего развития должны работать на благо страны и населяющих её народов.

Подобная борьба, если для нее созданы равноправные условия, если нет стремления уничтожить противостоящую партию, если она ведется честно, аргументированно, с апелляцией ко всему обществу — такая борьба способствует преодолению застоя, пробуждению и самореализации творческих сил, динамичному развитию социума.

Другое дело, что в России по ряду причин не сложилось до сего дня подобной сбалансированной и справедливой для всех представителей разнообразного политического и идейного спектра 'атмосферы взаимоуважительного диалога. При этих обстоятельствах возникает деструктивная конфронтация, изнутри разрушающая страну. Энергия внутреннего противоречия тратится не на позитивное ее использование в интересах общества в целом, а на эгоистическое, временное, мнимое торжество одной из сторон.

Хомяков, при всей пылкой любви к Отчизне и отсутствию слепого восторга перед Западом, не мог не отметить разумной организации английского общества, где издавна существует эмпирически найденное и легитимно закрепленное равновесие между консерватизмом, сохраняющим здоровые традиции устойчивого существования нации, и либерализмом, делающим ставку на стимулирование индивидуального начала. И тот успех, которого достиг Альбион не только на Британских островах, но и по всему миру к середине XIX в., во многом объясняется удачно созданной моделью организации собственного социума. Хотя при этом Хомяков

прекрасно понимал, что нельзя механически переносить британский опыт на российскую почву.

Неслучайно в совершенно иной сфере, при освещении истории православия, Алексей Степанович делает упор на его соборности, которая органично сочетает единство Церкви как мистической организации во главе с Христом и уважение индивидуальной религиозной свободы каждого верующего человека. При этом он упрекал (насколько продуманно и доказательно — особый вопрос) католицизм в доминировании внешнего принудительного сплочения, а полемизировавший с ним протестантизм — в увлечении индивидуалистическим началом, могущим привести к гиперкритицизму, десокрализации как общества, так и отдельно взятого индивида.

В отличие от эпигонов, упрощавших ситуацию, и едких обличителей, намеренно утрировавших ее, Хомяков, Иван Киреевский, Самарин и другие вожди славянофильства чувствовали глубинный смысл сокрытого противоречия отечественной истории. Они нащупали болевую точку, затронули одну из самых существенных и всегда злободневных для России проблем, прослеживаемую в русле более чем тысячелетней ее эволюции сквозь стадии языческой и христианской России, допетровской и послепетровской Руси, советского и постсоветского общества.

Речь идет о соотношении местного, укорененного, автохтонного и привносимого, внешнего, заимствованного факторов во всех сферах жизни, в общественном и личностном сознании. В этом смысле славянофильство на всех его этапах было не первой и не последней попыткой осмысления и решения фундаментальной для России проблемы, хотя и одной из самых искренних, во многом жертвенной и подвижнической.

А.И. Герцен верно уловил то подспудное течение, идейным выразителем которого стало славянофильство. Называя его «славянизмом» или «русицизмом», в присущей ему несколько экзальтированной и цветистой манере, наш западник писал, что «не как теория, не как учение, а как оскорбленное народное чувство, как темное воспоминание и верный инстинкт, как противодействие исключительно иностранному влиянию» славянофильство существовало «со времени обривания первой бороды Петром I» как «противодействие петербургскому терроризму образования», т.е. насильственной вестернизации общества, в том числе в интеллектуальной, образовательной сфере. Герцен вспоминает и казненных стрельцов, и замученного царем единокровного сына Алексея, и ненависть к иноземцам при Бироне, и старообрядцев, и даже русских солдат 1812 г., требовавших замены Барклая-де-Толля Кутузовым [9, с.135-136]. Не случайно, например, появление в политической лексике декабристов, даже у таких западнофильствующих мыслителей, каким был протестант Пестель, терминов «Русская правда», «вече», «дума», как их

стремление пробудить доимперские элементы национального менталитета.

Можно согласиться с современным исследователем Н.И. Цимбаевым, рассмотревшим полисемантизм термина «славянофильство» и связанного с ним целого букета наименований, что данное определение как обобщающее понятие «служит для обозначения самых разных явлений русской политической и общественной жизни в хронологическом интервале от IX до XX вв.» [10, с.53-54]. И, заметим, не является вполне адекватным, уместнее был бы термин «русофильство».

Действительно, если внимательно проследить всю нашу историю от начала до сего дня, то бросаются в глаза: противостояние славянского и варяжского элементов во времена образования раннесредневекового государства; антикатолическая, а затем антипротестантская полемика древнерусских авторов; негодование по адресу западника XVI в. — бежавшего в Литву князя Курбского; споры грекофилов и латинофилов в XVII в.; стычки противников и сторонников петровских реформ; взаимные уколы последователей Шишкова и Карамзина — это все до Хомякова. На многое можно указать и после него: на возникновение неорусского стиля, патриотические подъемы во времена I и II мировых войн, борьбу русофилов с космополитами, плеяду деревенщиков, кумира последних лет — Солженицына, на нынешнюю вражду двух станов, условно называемых «патриотами» и «демократами».

Кроме констатации данной цепи фактов, для кого-то очевидных, для кого-то искусственно выделяемых (в зависимости от выбранной системы отсчета), важнейшими являются вопросы: 1) как объяснить подобную ситуацию? 2) какую позицию при этом выбрать?

Что касается первого, то исчерпывающего объяснения, всех удовлетворяющего, быть не может; однако уместно принять указанное выше фундаментальное противоречие развития российского общества как реально существующее, имманентное по своей сути, актуализирующееся или притухающее в разные периоды. Это, если угодно, тайна нашего бытия, вывернуть наизнанку которую и представить на лицемерие заинтересованной публике невозможно. Это такая же невыразимая вербальными и иными средствами тайна, как жизнь, человек, мир, душа, вселенная, Бог. Разумеется, можно и должно эмпирически изучать данную проблему, позитивистски и мистически ее истолковывать, давать философский и культурологический анализ, издавать источники и добросовестно их комментировать, однако мы не должны забывать о всей малости, поверхностности, субъективизме наших усилий перед лицом великой, неизъяснимой, бездонной загадки бытия России в одном из важнейших ее противоречий. Лишь с позиции вечности, которая нам недоступна, можно приблизиться к постижению подобных вещей.

Если коснуться второго вопроса, то здесь возможные варианты более заземлены. Но избави Бог поддаться соблазну принятия абсолютной правоты одной из сторон. Это самый простой, но и самый гибельный путь. Нельзя считать полезной только центробежную или центростремительную силу, нужными только традиции или новации, ценным только укорененное или заимствованное. Необходим оправданный для сохранения и развития сложной развивающейся системы, каковой являются и общество в целом, и культура, и философия, и отдельный индивид, оптимальный баланс составляющих его сил и тенденций. Любой крен в ту или иную сторону работает на дисбаланс, деформацию и в конечном счете на разрушение системы. Для выправления же накапливающейся однобокости развития, как это не раз бывало в отечественной истории, приходится принимать чрезвычайные усилия, ведущие к крену в иную, противоположную сторону. Создание динамичной и устойчивой при этом модели организации социума — наиважнейшая задача, быть может, даже сверхзадача нашего общества, от успешного решения которой зависит будущее России.

Славянофилы были правы в своих воззрениях не абсолютно, но настолько, насколько это требовалось для выправления искривленного пути развития в русле жесткой вестернизации страны после петровского переворота. Если бы они сами стали правящей партией и попытались реализовать сполна свою программу, то вовсе не исключено, что мы бы имели крен в иную сторону. Нечто похожее было при Александре III с его политикой русификации или распространенным на рубеже веков и поощряемым сверху эклектичным стилем «а ля Рюсь».

Полезно вспомнить, что Хомяков, при всей критике петровских нововведений, не мог не признать их необходимости. Другой вопрос — цена реформ, необходимость их корректировки, учет не только имперских целей государства, но и человеческих интересов россиян, бережное отношение к традициям, необходимость соизмерять внешние амбиции с внутренними возможностями страны.

Полезно также вспомнить эпоху крещения Руси, когда на смену традиционному, укорененному, привычно родному языческому отношению к миру пришла новая неведомая ранее вселенская вера, принесенная иноземцами греками. Это был еще более радикальный переворот в душах людей, но Русь его пережила и возвысилась над своим прошлым. Она выработала новое самосознание, в котором христианский универсализм сочетался со стойким патриотизмом, великолепным выражением коего является «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, одно из лучших произведений не только отечественной, но и европейской богословско-философской мысли раннего Средневековья [11, с.10-22].

Сложность проблемы заключается еще в том, что кроме объективного, суммирующего подхода, немногими носителями которого являются либо внешние наблюдатели, либо стремящиеся к полноте охвата внутренние участники указанной диспозиции, большинство индивидуумов склонны становиться на точку зрения одной из сторон. Они не в силах удерживать в себе раздирающее изнутри противоречие и переходят в один из станов. Подобная позиция вполне уместна, если ее носители понимают себя как часть целого, как выразителей одной тенденции, не абсолютизируя ее, не считая единственно верной, не претендуя на роль обладателей истины и не зачисляя своих оппонентов в апологеты лжи.

Это звучит особенно актуально в раздираемой изнутри современной России и перед лицом активного действия внешних, не только дружественных нам сил. Разрушающего и обособляющего «философского кичения», говоря словами древнерусских авторов, у нас предостаточно, «смиреномудрия» же, умиряющего и созидającego, явно не достает. Не достает нам и сокрушения гордыни, когда подавляется в душах людей буйство языческой неводержанности, о чем писали многие отечественные мыслители, в частности митрополит Никифор великому киевскому князю Мономаху [12, с.59-75].

Присущее славянофилам христианское смирение не умаляло в них духа борьбы за свои идеалы. Они стремились вернуть российское общество не на уровень Древней Руси, а к целостному, не расколотому состоянию, в котором оно пребывало до XVIII столетия. Три великих раскола потрясли Россию: *церковный* при патриархе Никоне, разделивший единое в своем исповедании веры население на сторонников официального православия и ревнителей древнего благочестия; *гражданский* при Петре Великом, когда от основной массы народа отделилась европеизированная элита, а позднее возникла оторванная от народных корней интеллигенция; *тотальный* после 1917 г., связанный с полным разрушением традиционного общества, составляющих его сословий, всего уклада жизни, веры не только русского, но и всех народов России [13, с.245-254].

Из этих великих расколов славянофилы наиболее болезненно переживали второй, касались первого и опасались третьего, который вызревал в XIX в. среди нигилистических, радикальных, экстремистских кругов. Нынешняя Россия испытывает страдания от всех постигших ее потрясений. И для заживления ран, воссоздания единства общества весьма актуальным представляется обращение к наследию славянофилов, их полемике с западниками и осознание противоречивого единства «друзей-врагов», которые были двумя ипостасями одного живого организма, их общей Отчизны, но подобно двуликому Янусу смотрели в разные стороны.

Не следует опасаться якобы присущего славянофилам изоляционизма. Их деятельность совпадала с общим национальным

пробуждением народов Европы, в том числе славянских. Их романтический порыв был связан с европейским романтизмом, предвосхищавшим «культур-критику» XX в. (С.Аверинцев), они не мыслили Россию вне цивилизованных стран, но выступали за более глубокое осознание ее своеобразия, использование творческого потенциала, не игнорирование, а достойное проявление присущей ей, как и всем иным странам, самобытности.

Можно резюмировать, что деятельность нашего вуза имеет не только конкретно-практическое значение, ибо он готовит специалистов с культурологической и славяноведческой подготовкой, с углубленным знанием двух славянских языков, но также идейно-мировоззренческое. Наши выпускники, как правило, отличаются высокой гражданской ответственностью, убежденным патриотизмом и верят в славянскую идею, тесно связанную с русской идеей [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Громов М.Н.* Славянская идея в русской культурной и политической традиции // Acta facultatis philosophicae Universitatis Presovienis. Filozofsky zbornik 23. Fenomen slovanstva. Presov, 2005. S. 182-188.
2. Московский государственный университет и Московская Духовная академия: 250 лет совместного служения России. М., 2006.
3. Государственная академия славянской культуры. Живая политика единения и сотворчества. М., 2007.
4. Святой Георгий Победоносец в истории и культуре. М., 2010.
5. *Кучмаева И.К.* Социальные закономерности и механизмы наследования культуры. М., 2006.
6. *Панарин А.С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005.
7. *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. М., 1990. Т.3.
8. *Мюллер Э.* Киреевский и немецкая философия // Россия и Германия. Опыт философского диалога. М., 1993. С. 141-143.
9. *Герцен А.И.* Собрание сочинений: в 30 т. М., 1956. Т. IX. С. 135-136.
10. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.
11. *Лихачёв Д.С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975.
12. Русские достопамятности. М., 1815.4.1.
13. *Громов М.Н.* Проблемы будущего России: модернизация или реставрация // Громов М.Н. Изборник 70. Тверь, 2013.
14. Русская идея /сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. М., 1992.

*Алексей Викторович Белов,
кандидат исторических наук, профессор
кафедры славяноведения и культурологии
ИСК «РГУ им. А.Н. Косыгина»,
старший научный сотрудник ИРИРАН*

ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМ ЕКАТЕРИНЫ II

Вступив на престол в 1762 г., императрица приняла страну, города которой принципиально не отличались от предшествовавших столетий. Они продолжали бытовать в том же виде и качестве, как и в эпоху Алексея Михайловича, а отчасти даже более раннего времени. Изменения, которые на протяжении двух последних веков неизбежно вносили поправки в облик и жизнь, мало поменяли главное - суть, характер и многочисленные функции поселения: административные, транспортные, пенитенциарные, культурно-просветительские и др.

Такое положение дел давно вошло в противоречие с действительностью и требовало кардинальной перестройки, заботу о которой взяло на себя государство. Наиболее заметны в этом отношении те из преобразований Екатериной II, которые касались социальной структуры городских жителей (социальная реформа). Но менять требовалось все. В первую очередь стояла задача создания системы органов и структур необходимых для исполнения городом своих функций, которые в значительной степени и возникли во второй половине XVIII в.

Еще за каких-то 80 лет до начала правления Екатерины II русский город в соответствии с его военным значением воспринимался как по характеру, так и по самому пониманию этого слова современниками, исключительно в значении системы фортификационных сооружений («А какой город попортится или за старостью развалится»), с гарнизоном и арсеналом («А пушки и пушечные запасы, и всякое воинское и осадное оружие посылается в те города с Москвы, смотря по городу»).

Россия по-прежнему оставалась «страной крепостей», как и в самом начале своей истории, что все еще в значительной степени определяло не только облик и структуру ее городов, но и характер занятий, и организацию жизни их жителей.

К началу XVIII в. (согласно описи русских городов 1678 г.) [1] на территории будущих четырех «малых» екатерининских губерний Волжско-калужского междуречья (Калужской, Московской, Владимирской и рязанской) находился 31 город. В этот перечень не вошла Москва, не описанная в данном источнике, и Одоев, который недолгое время был в таве Калужской губернии, но вскоре оказался приписанным к Тульской.